

Каменова И. П.

СИМВОЛЫ ХРИСТИАНСТВА С ПОЗИЦИЙ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ И СОЦИОНИКИ

Рассматривается символическое и психологическое значение ритуала христианской мессы. С позиций аналитической психологии анализируется символический смысл хоровода (мандалы) и креста. Совмещение этих символов позволило расширить четверичную схему Юнга до двенадцатеричной, которая адекватно отображает структуру психического пространства. Динамический вариант этой схемы описывает процессы эволюции и инволюции (кольца социального заказа в соционике), регулируемые законом сменяемости квадр.

Ключевые слова: символы, сознание, бессознательное, месса, жертва, самость, хоровод, мандала, крест, спираль.

К символам Юнг относит термины, имена или изображения, которые используются в повседневной жизни, но могут иметь также и специфическое добавочное значение, весьма неоднозначное или скрытое от большинства из нас. Например, такие изображения, как колесо или крест, распространены повсеместно, но при определенных условиях они имеют символическое значение. «Таким образом, слово или изображение символичны, если они подразумевают нечто большее, чем их очевидное и непосредственное значение. Они имеют более широкий «бессознательный» аспект, который всякий раз точно не определен или объяснить его нельзя» [11, с.25]. Исследование символов уводит в области, лежащие за пределами нашего рассудка.

Так как бесконечное множество вещей находится за пределами человеческого понимания, люди постоянно обращаются к символической терминологии для обозначения понятий, которые не могут однозначно определить. В частности, все религии пользуются символическим языком или образами. Кроме того, человек может продуцировать символы на бессознательном уровне в форме снов или видений.

Символический и психологический смысл ритуала мессы

В работах разных лет Юнг неоднократно возвращается к анализу символического и психологического смысла христианских обрядов. В частности, в работе [12] он раскрывает символическое значение ритуала католической мессы.

В своей работе Юнг рассматривает три аспекта жертвоприношения, которые отражены в мессе. Само понятие жертвы включает два разных значения: *thysia* и *deipnon*. Первое происходит от глагола *thuein*: «жертвовать, закалывать жертву», что означает также и «вспыхивать, зажигаться». Этот аспект указывает на связь с жертвенным огнем, поглощающим подносимые дары, которые с дымом попадают в небесную обитель. Второе значение *deipnon* означает трапезу участников жертвоприношения. Здесь тело становится плотью, т.е. субстанцией, употребляемой в пищу.

Наконец, в качестве третьего аспекта мессы Юнг рассматривает «непрестанность жертвоприношения и вечное священство», идея которого приближает нас к подлинному Таинству: «Проступание в жертвоприношении мессы некоего надвременного строя в качестве условия предполагает идею превращения в смысле *чуда*... [12, с.8]. Ритуальное священнодействие достигает кульминации, когда сам Христос в качестве жертвующего и жертвы одновременно произносит ключевые слова. Присутствие Христа есть событие, которое находится за пределами человеческих представлений. Поэтому ритуал мессы следует рассматривать как *символ*, который выражает нечто сверхчеловеческое, но все же не достигает уровня обозначаемого им таинства.

Ядром мессы является *consecratio* — кульминационный момент превращения хлеба и вина в Плоть и Кровь Господа. Произносятся формулы освящения хлеба и вина, обозначающие речь самого Христа и его живое присутствие. «В это мгновение становится

очевидной вековечность единичного божественного жертвоприношения: она переживается в определенном месте и в определенный момент времени, но перед нами точно распахнулось окно или растворилась дверь, за которыми глазам открылось внепространственное и вневременное» [12, с. 18]. Жертвенный акт, таким образом, есть божественная воля, выраженная словами Христа на Тайной вечере: на каждой мессе *предаваться в жертву через посредство священнослужителя*.

Рассматривая ритуал мессы, Юнг сознательно уходит от оценки его религиозного содержания. Он считает, что вера, как и любое убеждение, является психологическим фактом. В основе веры или ритуала лежит определенная психическая реальность. Как уже указывалось, центральным событием мессы становится акт божественной благодати, который связывает все составляющие жертвенного акта в мистическое единство. Он трактуется как чудо, «божественное» событие, где человек оказывается захваченным высшими силами. С психологической точки зрения здесь речь идет о неординарных состояниях сознания, в которых человек переживает единство с Богом.

Переходя к психологической оценке мессы, Юнг прежде всего анализирует субстанции, символизирующие жертву (Св. Дары). Он показывает, что хлеб и вино — важные продукты культуры, которые символизируют жизненно важные устремления человека. В данном случае хлеб символизирует физическое средство существования, а вино — духовное. Поэтому пожертвование хлеба и вина означает подношение как материальных, так и духовных плодов человеческой цивилизации.

Рассматривая внутренние законы развития культурных растений, Юнг указывает, что «пшеница и лоза наделяются чем-то вроде особой души, собственного жизненного принципа, делающего их пригодными для того, чтобы символизировать не только достижения человеческой культуры, но и того умирающего и воскресающего ежегодно бога, который их одушевляет» [12, с. 56]. Символы всегда неоднозначны. Относительно хлеба и вина Юнг выделяет четыре смысловых слоя:

- 1) продукты земледелия;
- 2) продукты, требующие особого приготовления (из зерна и винограда);
- 3) выражение психологических достижений и жизненной силы человека;
- 4) проявление мана или растительного демона.

Поэтому Юнг делает вывод, что жертвенные дары *символичны*, объединяя в себе физический продукт, приготовленную субстанцию, психическое достижение человека и автономный жизненный принцип. «Ценность жертвенных даров повышается, если подносятся *лучшие* или *первые* плоды. Хлеб и вино есть самое лучшее, что только может принести земледелие, поэтому они символизируют и самые лучшие стороны человека, приложившего старание для того, чтобы их приготовить. Вдобавок хлеб есть зримая манифестация умирающего и воскресающего божественного нумена, а в вине незримо присутствует обещающая опьянение и экстаз пневма. В античности эта пневма считалась Дионисом, точнее — *страдающим Дионисом-Загреем*, чья божественная сущность рассеяна по всей природе. Короче говоря, под видом хлеба и вина в жертву приносятся *природа, человек и Бог, сопряженные в единство символического дара*» [12, с.57].

Такая же сложная символическая ситуация возникает и со стороны жертвующего, который одновременно и жрец, и жертва. В этом символе Юнг также выделяет несколько смысловых слоев. Прежде всего, принесение в жертву происходит тогда, когда дарится нечто «мое», привязанное к моему Я, потому что оно — часть «моей личности». Кроме того, следует различать жертву и простое дарение, где с каждым даром обычно связано какое-то личное притязание. Дар становится жертвой лишь тогда, когда мы отказываемся от связанного с дарением замысла, устраняя всякие эгоистические притязания. В противном случае наше подношение Богу — всего лишь магическое действие, направленное на то, чтобы таким образом приобрести его благоволение. «Чтобы избежать этого подобия жертвоприношения, не имеющего никакой этической ценности, подносящий дар человек должен, по крайней мере до некоторой степени, ощутить и осознать свою идентичность с даром и понять, что *дарит он и самого себя*» (там же). В случае подлинного

жертвоприношения человек полностью осознает, что он приносит в жертву свои эгоистические притязания, не требуя никакой компенсации. Если дарение производится с отказом от каких-либо притязаний, оно действительно становится *самопожертвованием*. Такое дарение воспринимается как утрата или уничтожение.

С другой стороны, способность к самопожертвованию доказывает, что человек владеет собой. По крайней мере, он должен иметь какое-то притязание, чтобы сознательно от него отказаться. В свою очередь, это предполагает акт самопознания, без которого любые личные притязания остаются на бессознательном уровне. Поэтому ритуалу превращения в мессе предшествует исповедание. Эгоистическое притязание, связанное с даром, должно быть осознано и сознательно «принесено в жертву». Этим человек доказывает, что он владеет своим Я. Более того, он принимает решение, в каком-то смысле направленное против собственного Я. Но с психологической точки зрения это означает, что Я есть относительная величина, которая может быть подчинена инстанции более высокого порядка. «Сознание не объемлет целостности человека, ибо последняя включает в себя не только сознательные содержания, но и обширную область бессознательного с неопределенными и крайне размытыми границами» [12, с. 61]. Для обозначения этой потенциальной целостности Юнг использовал термин «самость». В итоге, наше сознательное Я должно осознать свои притязания, а самость должна заставить Я отказаться от этих притязаний. Поэтому в самопожертвовании мы обретаем свою самость, которая освобождается из бессознательного и проникает в наше сознание. С одной стороны, происходит процесс соединения рассеянных фрагментов в нечто единое, с другой — постепенное проявление извечного начала в отдельной личности.

Юнг рассматривает Таинство мессы как выражение этого процесса средствами христианской религиозной мистерии. Становится понятным, почему в жертвенном акте происходит превращение Бога в страдающего и познающего смерть человека, а затем, благодаря вкушению тела Христова, человек переживает собственное воскресение из мертвых и проникается собственной сопричастностью к Божеству. Подобно тому, как в явлениях феноменального мира, бесконечно разнообразных и дифференцированных, выражается сущность Творца, так человеческий индивид может рассматриваться как «форма проявления самости». Юнг иллюстрирует эту мысль античной легендой о расчлененном на части Дионисе и другими примерами:

«Дионис разбросан по всей природе, и, подобно тому как сам Зевс некогда проглотил еще трепетавшее сердце Бога, так и приверженцы его культа раздирали на части диких животных, чтобы интегрировать раздробленный дух Диониса. Сбор световой субстанции в гнозисе варвелиотов и в манихействе указывает в том же самом направлении. Психологически этому соответствует интеграция самости путем осознания отколовшихся содержаний. Самоосмысление есть сбор самого себя» [12, с. 67]. Таким образом, рассеянное и множественное возвышается до первоначальной формы *Единого*.

Согласно воззрениям Юнга, целью мессы является отождествление священника и прихожан с Христом, т.е. уподобление души верующего Христу. С психологической точки зрения Христос как Сын человеческий представляет собой целостность, намного превосходящую обыкновенного человека. Таинство мессы превращает душу простого человека, который знает лишь часть себя, в целостность, символически выражаемую фигурой Христа. Поэтому Юнг сопоставляет мессу с процессом *индивидуации*, который в аналитической психологии обозначает становление целостного индивида:

«На архаической ступени нуминозный опыт процесса индивидуации — прерогатива шаманов и знахарей, позднее — врачей, пророков и жрецов, и, наконец, на ступени цивилизации — философии и религии. Испытываемые шаманом переживания болезни, мучения, смерти и исцеления на более высокой ступени содержат идею жертвоприношения, восстановления целостности, пресуществления и возвышения до уровня пневматического человека — словом, апофеоза. Месса есть итог и квинтэссенция многотысячелетнего развития, которое за счет поступательного расширения и углубления сознания позволило

изначально изолированному опыту какого-нибудь особо одаренного индивида сделаться постепенно достоянием более крупных групп» [12, с. 97].

Символический смысл хоровода и креста

Анализируя памятники древнехристианской литературы (в частности «Деяния Иоанна»), Юнг приводит описание мистического хоровода, устроенного Христом незадолго до распятия. «Примечательно, что Иоанн не упоминает о Тайной вечере, тогда как в «Деяниях Иоанна» ее место занимает *хоровод*. Но и восседание за круглым столом, подобно хороводу, означает *синтез* и *единение*: на Тайной вечере это происходит в форме причащения плоти и крови Христовых, т.е. инкорпорации Господа, в хороводе — в форме хождения по кругу, центром которого является Господь» [12, с. 78].

Юнг неоднократно указывает, что круг с центральной точкой с древних времен является символом целостности воплощенного Бога. Ритуальное хождение по кругу опирается на космическую аналогию вращающегося звездного неба, а двенадцать апостолов уподобляются зодиакальным созвездиям. Поэтому хоровод символизирует вращение как изменение во времени, связанное со сменой определенных состояний. Кроме того, танец-хоровод можно рассматривать как символическое воплощение круга, где сохраняется соотношение между точками периферии и серединой. «Психологически эта конструкция равнозначна мандале и тем самым символу самости, на которую сориентировано не только единичное *Я*, но и множество других — единомышленников или связанных с ним одной судьбой» [12, с. 79].

Самость — это целостность, которая объемлет и сознание, и бессознательное. Но в бессознательном различия между индивидами уже не так существенны, потому что в глубинных пластах оно едино для всех. На этом психологическом факте основан архетип *единого* человека во всех людях: Антропоса, Сына человеческого, Пуруши и т.п. Так, в «Деяниях Иоанна» в словах гимна: «Воссоединиться желаю и воссоединить желаю» речь идет о соединении сознания индивида с символом целостности, которому оно подчинено (богочеловеческому единству). «Разъединенным является лишь субъективное сознание. Когда оно соотносится со своим средоточием, оно интегрируется в целое. Кто участвует в танце-хороводе, тот видит себя в зеркальном центре; страдание отдельного индивида оказывается тем, что «претерпеть желает» стоящий в середине. Едва ли возможно выразить парадоксальное тождество и различие *Я* и самости более удачным и изящным образом», — отмечает Юнг [12, с. 83]. Увидеть страдания собственного *Я* с объективной позиции самости — это и есть состояние по ту сторону страстей, которое в христианстве соотносится с идеей «преодоления мира».

Далее Юнг комментирует видение Иоанна, которому Бог показал «крест из света, и вокруг креста — великое множество бесформенное; во кресте же одна была форма и один облик» (там же). В данном контексте крест противопоставлен аморфному множеству: он символизирует средоточие, определяемое пересечением двух прямых. Крест идентичен Господу и Логосу, являясь одним из древнейших символов строя и порядка. Юнг предположил, что для гностиков крест обозначал функцию самости. В тексте говорится о дихотомии Вселенной (правое — левое, светлое — темное и т.п.), в которой Господь все составляет и соединяет: «Ибо что же еще Христос, если не слово, не звук Бога? Слово есть сей прямой столб, на котором я распят, а звук — поперечная балка, природа человеческая; гвоздь же, коим поперечина приколочена посередине к столбу, есть обращение и раскаяние человека» [12, с. 88].

Последняя цитата из «Деяний Иоанна», по-видимому, заслуживает добавочных комментариев. Прежде всего отметим, что «слово» и «звук» здесь выступают как противоположные начала. Более или менее понятно, что «слово» здесь символизирует рациональное начало (Логос), а «звук» — иррациональное природное начало, для описания которого используются волны или вибрации. Христос же воплощает одновременно и «слово», и «звук». Привлекая язык математики, крест можно представить как исходную

систему координат, внутри которой природа и разум движутся в разных направлениях, ортогональных друг другу. Тогда гвоздь, соединяющий две перекладины, есть нулевая точка, в которой снимаются противоречия. Именно там сходятся противоположности, образуя при этом определенный энергетический потенциал. В результате возникает новое состояние, свободное от противоречий, вне всяких моральных категорий.

Внутреннее переживание единства, знакомое гностикам и мистикам, есть переживание бессознательного, в котором полнота различного совмещается с полным единством. В то время как интеллект стремится к дифференциации, бессознательное сталкивает нас с множеством различных архетипов, которые настолько связаны между собой, что строго разделить их вряд ли возможно. Кроме того, бессознательное, в самом деле, обычно персонифицирует себя как единый облик (или внутренний голос). Его спонтанные проявления открывают нам обратную сторону явлений, скрытую от сознания, помогая приблизиться к языку мифов.

Теперь попробуем уточнить, какую роль играют символы круга (хоровода) и креста в психологических исследованиях. Для более детального анализа обратимся к работе [13], которая содержит основные положения аналитической психологии.

В этой работе Юнг изображает психическое пространство как систему, состоящую из ряда концентрических кругов [13, с.54]. Под влиянием этой диаграммы был предложен более современный вариант графической интерпретации структуры психики, с учетом соционической модели «Ю» [6]. Предложенная конструкция воспроизводит структуру мандалы (шри-янтры), которая у Юнга представляет архетип целостности. Мандала, как уже указывалось, относится к наиболее древним способам символического изображения психического пространства.

Из рассуждений Юнга следует, что в психологическом отношении хоровод равнозначен мандале. Как ритуальный танец, он может состоять из нескольких групп танцующих: одни образуют внешний круг, а другие — его внутреннее пространство. В описанном выше ритуале с хороводом связаны числа «восемь» и «двенадцать». «Осьмерица, будучи удвоенной четверицей, принадлежит к символизму круга (мандалы). Осьмерица, о которой говорится в гимне, отчетливо передает архетип хоровода «в наднебесье», ибо в ней эхом отдается песнь Христа» [12, с. 82]. Следовательно, ритуальный хоровод включает две четверки, которые связаны с Христом через «эхо».

Более сложный символический смысл имеет число «двенадцать». Оно указывает на наличие порядка в рамках двенадцатеричной схемы, которая распадается на «внутреннее» трехчастное деление «внешней» четвертичной схемы [8, с.167]. Как оказалось, число «двенадцать» помогает соединить между собой символы круга и креста.

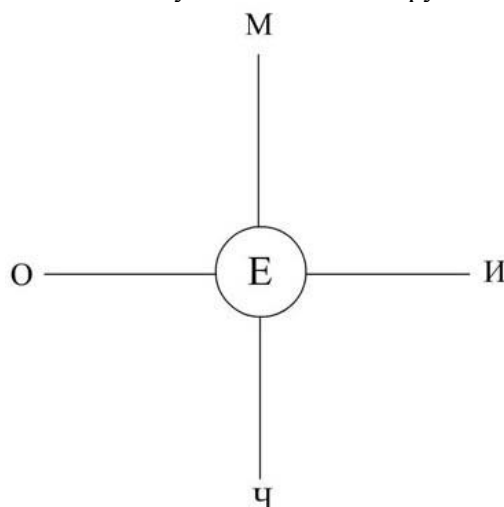

Рис. 1. Крест Юнга, где Е — энергетический потенциал, М — мышление, Ч — чувство, О — ощущение, И — интуиция.

От аналитической психологии к соционике

Из текста Юнга следует, что крест является символом разделения Вселенной на дихотомии. Соответственно, на психологическом уровне он производит разделение информационного пространства. Более того, крест как система координат вполне соответствует той схеме, которой воспользовался Юнг для описания психологических типов (см. рис.1). Если изначально энергия Е двигалась только в горизонтальном направлении, то Логос, подобно мечу, рассек этот природный поток и создал для него новое русло. В терминологии А. В. Букалова речь идет об одном из возможных способов квантования психоинформационного пространства, который приводит к разбиению на ячейки с помощью шкал Юнга [2].

Итак, психическое пространство символически представлено как круг, а способ его разбиения, предложенный Юнгом, — как крест. В соответствии с двенадцатеричной схемой, описанной выше, мы получаем изображение, показанное на рис. 2. В данной схеме психическое пространство содержит 3 уровня: ментальное кольцо, витальное кольцо и коллективное бессознательное. В результате получаем внутреннее трехчастное деление внешней четверичной схемы, которая в данном случае соответствует сознанию (ментальному кольцу). Ментальное кольцо рассекается крестом на четыре аспекта, и это же разбиение воспроизводится в витальном кольце. Единственным различием между кольцами является вертность функций (цвет аспектов), что вполне согласуется с их соединением через «эхо». На уровне коллективного бессознательного аспекты переходят в архетипы, которые полностью сливаются в центральной точке самости. Рис. 2 в сжатом виде воспроизводит структуру психического пространства, графическая интерпретация которой рассматривалась в работе [6]. Это изображение может рассматриваться как статическая интерпретация структуры психики.

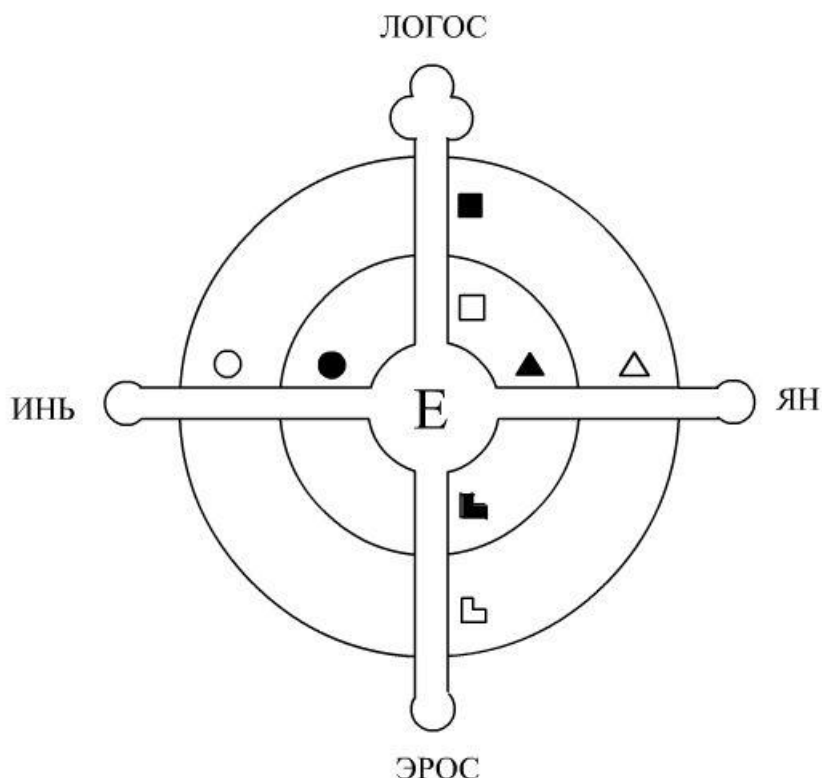

Рис. 2. 12-ричная схема психического пространства.

Достаточно сложным и неоднозначным остается вопрос, какие психологические функции и типы личности наиболее соответствуют психологии христианства. Вполне очевидным представляется глубокое соответствие христианства функции интровертной

этики. Однако необходимо учесть и тот факт, что в христианской идеологии особое внимание уделяется Логосу. На этом основании возникло предположение, что психология христианства базируется на взаимодействии и синтезе двух противоположных функций — экстравертной логики и интровертной этики. Тогда в терминологии соционики мужской принцип христианства на уровне сознания воплощается деловой логикой, а женский, на уровне подсознания, — этикой отношений. Эта противоположность отражена на рис. 2, который соответствует соционическому типу логико-интуитивного экстраверта (точнее, дуальной паре ЛИЭ — ЭСИ). Еще один возможный вариант христианской психологии образует дуальная пара ЛСЭ — ЭИИ. Если данное предположение рассматривать в историческом контексте, то первый вариант можно соотнести с протестантской религией, а второй — с православной (с учетом квадральных ценностей). Пока это только гипотеза, которая требует глубокого обоснования и дальнейших исследований.

Чтобы рассмотреть динамику личности на уровне информационных процессов, представим движение по кругу как изменение во времени. Отдельные символы, связанные с динамикой и трансформацией личности, описаны в работе [7]. Там было показано, что символы Колеса и Золотого Цветка получены в результате вращения координатных осей, т.е. их основой является все тот же крест Юнга. Если в предыдущем примере речь шла о квантовании информационного пространства, то подобной четверичной схемой можно воспользоваться и для квантования времени. В результате, движение по кругу разбивается на четыре части, как это показано на рис. 3.

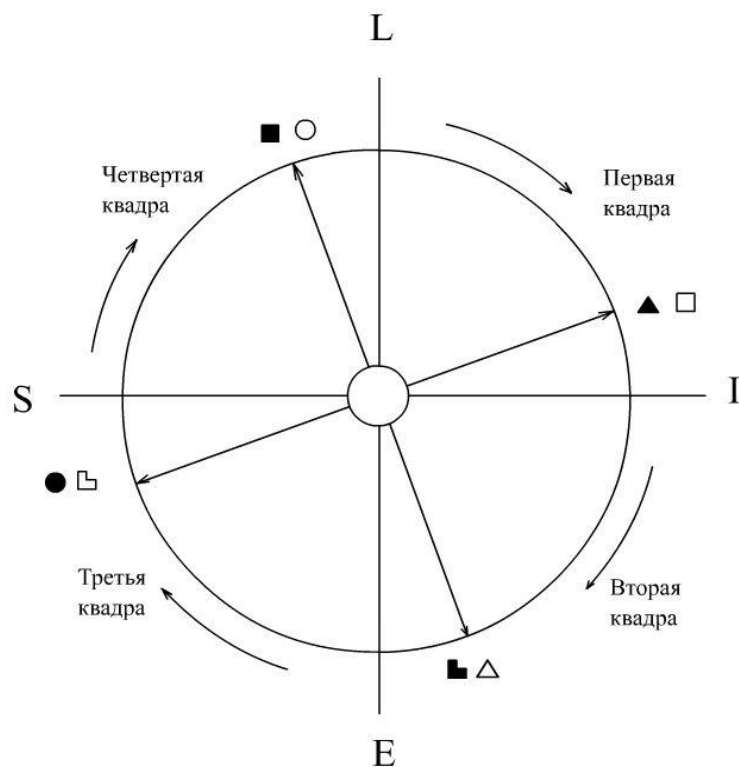

Рис. 3. Динамика системы во времени. Закон сменяемости квадр.

L — логика, I — интуиция, E — этика, S — сенсорика.

В самом деле, все известные процессы можно разбить на четыре этапа, которые в соционике соответствуют четырем квадратам (см. [1], [3] — [5] и др.). Более глубоко этот вопрос анализируется в работе [14], где информационные процессы описываются с помощью символов свастики. Автор рассматривает два символа свастики: свастика с вращением по часовой стрелке описывает процесс эволюции, а свастика с вращением против часовой стрелки — процесс инволюции. В соционике эволюционное и инволюционное кольца социального заказа можно изобразить как две противоположные

свастики, каждая из которых включает восемь социотипов [14, с. 197]. Следует отметить также, что схема отношений социального заказа уже рассматривалась как крестообразная конфигурация в работе С. И. Чурюмова [10, с. 48].

Однако в данном случае речь идет не только о передаче социального заказа от одной квадры к другой. В более широком смысле рис. 3 иллюстрирует соционический закон сменяемости квадр. Так, поворот на 90 градусов соответствует переходу к следующей квадре, а полный оборот может рассматриваться как возвращение в исходное положение на новом витке эволюции. Впрочем, каждый новый цикл не является полным повторением предыдущего. Если целью эволюции, следуя Юнгу, считать движение к центру, то путь развития системы можно представить в виде спирали, закрученной по часовой стрелке. На рис. 4 показано несколько витков такой спирали, каждый из которых описывает смену четырех квадр. В соответствии со «Словарем символов», именно спираль представляет схематический образ эволюции Вселенной [8, с.489].

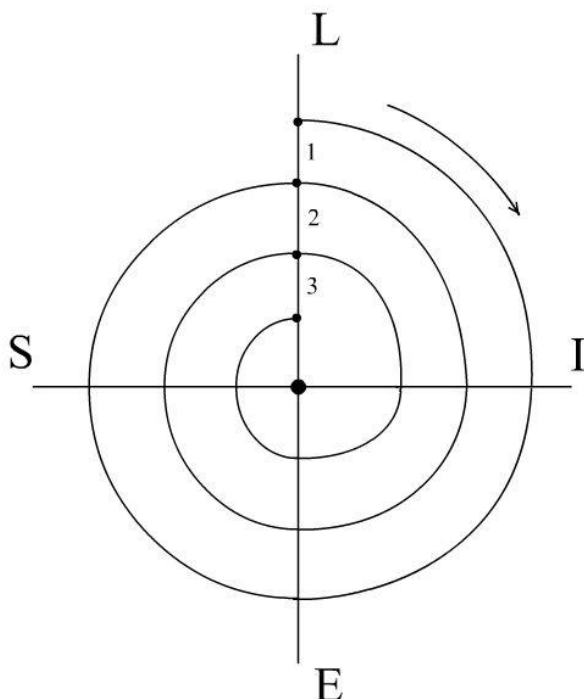

Рис. 4. Спираль эволюции системы (три цикла эволюции).

Заметим, что каждый из упомянутых выше символов имеет множество разных значений и интерпретаций, исследование которых выходит за рамки нашей темы. Так, в книге И. Морозова исследуется архаическое значение креста как пересечение линий, образующее перекресток или распустье [9]. Автор показывает, что перекресток обычно является символом выбора праведного пути, верного направления в жизни. Достаточно очевидно, что такое толкование тоже указывает на связь противоположностей.

Итак, наиболее общий символический смысл креста состоит в соединении противоположностей, а символизм распятия на кресте восходит к переживанию сущности антагонизма [8, с. 271]. В то же время, в христианской традиции крест выступает как символ рационального подхода к иррациональной природе человека.

В заключение обратимся к размышлениям Юнга о взаимодействии между рациональным и иррациональным в процессе развития человеческой цивилизации.

Конечно, продвижение к Логосу было великим достижением, однако за него пришлось расплачиваться утратой инстинкта и реальности, которые попали в зависимость от слов. Картина мира распалась на бесчисленные детали, и изначальное чувство единства было утеряно. Нечто подобное произошло в первые века христианской веры, когда духовная

дезориентация Рима была компенсирована вторжением христианства. Чтобы выжить, христиане рационализировали свое учение. Позднее церковь отмежевалась от тех иррациональных идей, которые соединяли гностицизм с язычеством.

Постепенно интеллект покорил Природу. Наступила научно-техническая эпоха, которая почти не оставила места естественному и иррациональному. Но тем самым был заложен фундамент для внутренней оппозиции, угрожающей хаосом всему миру. Зато христианский дух Запада превратился в поборника всего иррационального, поскольку вера, устремленная к вечным человеческим правам, соединяется с уровнем более высокого порядка. С психологической точки зрения это объясняется тем, что самость способна эффективно компенсировать хаотические состояния, синтезируя в себе свободу и достоинство отдельных индивидов [12, с. 94].

Л и т е р а т у р а :

1. *Аугустинавичюте А.* Соционика. Введение. — Спб.: Terra Fantastica, 1998.
2. *Букалов А. В.* Феномен квантования информационного пространства коллектива. //Соционика, ментология и психология личности. — 1998. — № 1.
3. *Букалов А. В.* О механизме формирования функций информационного метаболизма в процессе рождения индивидуума. // Соционика, ментология и психология личности. — 1996. — №№ 1-2.
4. *Гроф С.* За пределами мозга. — М.: Московский Трансперсональный Центр, 1993.
5. *Донченко О. А., Романенко Ю. В.* Архетипи соціального життя і політика. — К.: «Либідь», 2001.
6. *Каменева И. П.* Графическая интерпретация структуры психики. //Соционика, ментология и психология личности. — 2002. — № 1.
7. *Каменева И. П.* Эзотерическая традиция и символы психологической трансформации личности. //Соционика, ментология и психология личности. — 2002. — № 5.
8. *Керлот Х. Э.* Словарь символов. — М.: «REFL-book», 1994.
9. *Морозов И. В.* Основы культурологии. Архетипы культуры. — Мн.: «Тетра-Системс», 2001.
10. *Чурюмов С. И.* Геометрические конфигурации в соционике. // Соционика, ментология и психология личности. — 2001. — № 5.
11. *Юнг К. Г.* Подход к бессознательному. //Архетип и символ. — М.: Ренессанс, 1991.
12. *Юнг К. Г.* Символ превращения в мессе. //Ответ Иову. — М.: «Канон+», 1998.
13. *Юнг К. Г.* Тэвистокские лекции. — М.: «Рефл-бук», 1998.
14. *Якубовская Т. С.* Генетический код Вселенной. — М.: Армада-пресс, 2002.

Статья поступила в редакцию 17.07.2003 г.